

— Отец-Император! — звонко произнесла Сяо Яньцзы, и Цяньлун с радостью откликнулся. Глядя на Цзывэй и Сяо Яньцзы — одну степенную и элегантную, другую живую и прелестную, — он думал, что иметь таких дочерей — поистине великое благословение.

Наступил вечер. Поскольку Беседка Ароматных Трав еще не была до конца готова, Императрица попросила Императора разрешить обеим девушкам пожить во флигеле ее Дворца Куннингун, и Император, разумеется, легко махнул рукой, давая свое согласие.

Сяо Яньцзы была безумно рада. Щебеча без умолку, она тянула Цзывэй за руку и рассказывала, что когда залечивала раны, жила как раз здесь, а потому это место было ей очень дорого и близко. Цзывэй молча слушала ее рассказы, а Императрица всю дорогу шла рядом, не вмешиваясь в разговор.

Войдя во Дворец Куннингун, Цзывэй невольно широко раскрыла глаза: во дворе росли несколько кустов цицветет — цветков ци (прим. — сирени/мирта/индийской сирени, далее по тексту — цветы цивэй/ци), которые, судя по следам свежескопанной земли, пересадили сюда совсем недавно. Правда, в эту пору года они еще не распустились полностью, и на ветках алели лишь крошечные, густо сбившиеся в плотные грозди бутоны, похожие на маленькие изящные колокольчики. Они легко покачивались от легкого ветерка, выделяясь среди сочной зелени.

— Эй? Императрица-Матушка, когда это вы посадили во дворе столько цветов? Прошлый раз ведь ничего не было, — удивленно заморгал большими глазами, спросила Сяо Яньцзы.

— Гэгэ, их привезли из-за пределов дворца по приказу Императрицы как раз в тот день, когда вы уехали, — ответила нянька Жун.

Сяо Яньцзы кивнула: неудивительно, что она раньше их здесь не видела.

— А как эти цветы называются?

— Гэгэ, это цветы ци, второе их название — стодневники, потому что они цветут не переставая целую сотню дней.

— Ци! Так вот как они выглядят, цветы ци! Точь-в-точь как твое имя, Цзывэй! — в полном восторге Сяо Яньцзы потянула Цзывэй за руку прямо к кустам.

— И правда, Сяо Яньцзы. В тот год, когда я родилась, цветы ци цвели так пышно и не увядали даже в августе, поэтому матушка и назвала меня Цзывэй.

На сердце у Цзывэй стало радостно. Она подняла руку и осторожно коснулась заколки с цветком ци в волосах, глубоко тронутая таким вниманием.

Императрица, разумеется, заметила этот крошечный жест. Она подошла ближе и мягко сжала

ладошку Цзывэй:

— Цзывэй, ты только вернулась во дворец, и я боялась, что ты не сразу ко всему привыкнешь. Вот я и самовольно велела пересадить сюда из города множество кустов ци, надеюсь, тебе понравится.

Цзывэй снова едва не расплакалась, ее большие глаза заволокла пелена слез:

— Большое спасибо Императрице-Матушке!

— Хорошая моя, вы с Сяо Яньцзы пока спокойно живите во Дворце Куннингун. Если чего-то будет не хватать, сразу говорите няньке Жун, этот дворец теперь ваш дом.

Цзывэй и Сяо Яньцзы переглянулись — в их глазах читалось переполнявшее их волнение и благодарность.

Изначально нянька Жун приготовила обоим гэгэ отдельные комнаты, но разве можно было справиться с девочками, которые так привязаны друг к другу и ни в какую не хотели расставаться? Они наотрез отказались жить отдельно и решили ютиться в одной комнате. Главные госпожи были довольны, так что оставалось только уступить их прихоти.

Когда Цзывэй и Сяо Яньцзы вошли в комнату, оказалось, что ее убранство и расстановка мебели продуманы до мелочей, а все вещи сияли абсолютной новизной. Сразу было видно, сколь сильно Императрица дорожит ими — наверняка все подготовили заранее.

— Цзывэй, я так счастлива! Мало того, что ты нашла своего отца, так теперь и я стала гэгэ и смогу и дальше оставаться во дворце рядом с тобой! — радостно обняла подругу Сяо Яньцзы.

— Сяо Яньцзы, а ты... ты не расстроена? — с некоторой заминкой спросила Цзывэй. Ей самой статус гэгэ дался с таким трудом, а Сяо Яньцзы просто доставила весточку — и за компанию получила тот же титул.

— С чего бы мне расстраиваться? Сяо Яньцзы, неужели ты забыла нашу клятву? Мы же названные сестры, значит, должны... — Цзывэй намеренно замолчала, не договорив.

— И в горе, и в радости — делить всё пополам! — радостно подхватила Сяо Яньцзы. Как хорошо, что Цзывэй на нее не сердится!

— Ох, Сяо Яньцзы, ты даже не представляешь, как я волновалась перед тем, как войти во дворец. Я боялась, что Отец-Император не признает мою матушку, а перед всеми дворцовыми наложницами меня и вовсе объял страх. Но сегодня я увидела всё своими глазами, и все сомнения рассеялись. Знаешь, всё, абсолютно всё это — благодаря тебе. Пока ты со мной во дворце, я ничего не боюсь, — искренне произнесла Цзывэй, чувствуя бесконечную

благодарность к подруге.

— Сяо Яньцзы я тебе или нет? Я твоя названная старшая сестра, я всегда буду рядом и защищу тебя!

— Две наши почтенные гэгэ, не могли бы вы попутно защитить и меня, вашу скромную служанку? — улыбаясь, в комнату вошла Цзиньсо. В ее сердце не было ни капли зависти к Сяо Яньцзы — лишь глубокая признательность. С того самого мгновения, как Сяо Яньцзы помогла Цзывэй обрести отца, она заняла в ее душе место сразу после молодой госпожи.

— Ха-ха-ха, Цзиньсо, да ты посмела подслушивать у двери! Получай-ка мою Божественную Хватку Яньцзы! — сделав устрашающий вид, Сяо Яньцзы бросилась щекотать служанку.

— Ой, гэгэ Сяо Яньцзы! Героиня Сяо Яньцзы! Смилуйтесь, пощадите нижайшую!

— Ну ладно, раз уж я — героиня Сяо Яньцзы, так уж и быть, прощаю твою маленькую провинность.

— Сяо Яньцзы, говорят: взрослый на детские шалости не обижается, — прикрывшись носовым платком, тихонько рассмеялась Цзывэй. Сяо Яньцзы совсем не смутилась и лишь с виноватым видом почесала в затылке.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Цзывэй разбудила крепко спавшую Сяо Яньцзы: им нужно было идти и выразить почтение Императрице.

— Цзывэй, почему ты так рано встала? — сонно протирая глаза, пробормотала Сяо Яньцзы.

— Сяо Яньцзы, поднимайся скорее, нам еще нужно идти на утреннее приветствие к Императрице-Матушке, — снова толкнула подругу Цзывэй, и только после этого Сяо Яньцзы неохотно вылезла из постели.

Чуньюй и Манчжун помогли Цзывэй и Сяо Яньцзы облачиться в парадные маньчжурские платья — ципао, а Цзиньсо стояла рядом и внимательно за всем наблюдала, стараясь запомнить.

— Ой, Цзывэй, какое же это красивое платье! — Сяо Яньцзы провела рукой по ткани своего наряда: она оказалась такой гладкой, а вышивка была просто загляденье.

— Обе наши гэгэ от природы наделены редкой красотой, но сколь бы ни был хорош наряд, ему всё равно не сравнить с вашим очарованием, — от всего сердца похвалила Чуньюй. Платье ципао для Принцессы Хуаньчжу было яркого и жизнерадостного оранжевого цвета, а для Принцессы Минчжу — нежного и свежего сиреневого; оба наряда идеально подчеркивали характер и красоту каждой из девушек.

— Ха-ха-ха, Чуньюй, ну и сладкий же у тебя язык! — со смехом отозвалась Сяо Яньцзы.

— Ладно, Сяо Яньцзы, давай быстрее пойдем навестим Императрицу-Матушку, — легонько подтолкнула ее Цзывэй.

В главном зале Дворца Куннингун нянька Жун руководила служанками, расставлявшими утреннее угощение. На большом столе красовались дымящиеся рулетики с зизифусом и золотистыми нитями, густой суп из птичьих гнезд с желейной текстурой, легкие закуски для пробуждения аппетита и всевозможные виды изысканной, легко усваиваемой выпечки. Стол ломился от яств.

— Цзывэй и Сяо Яньцзы приветствуют Императрицу-Матушку!

Императрица сидела на главном месте и с мягкой улыбкой смотрела на девушек:

— Байлу, Дунчжи, помогите нашим гэгэ подняться.

— Благодарим Императрицу-Матушку, — в один голос произнесли Сяо Яньцзы и Цзывэй.

— Вчера вы поужинали рано, должно быть, проголодались. Цзывэй, отведай-ка сегодня стряпню нашей малой кухни во Дворце Куннингун.

— Императрица-Матушка, Сяо Яньцзы мне все уши прожужжала о том, как вкусно готовят на вашей кухне. Сегодня и мне посчастливилось это оценить, — с улыбкой ответила Цзывэй.

— Тогда ешь побольше.

— А я? Императрица-Матушка, я едва вошла, как сразу учуяла аромат еды! У меня живот уже к спине прирос, я сейчас готова целого быка проглотить! — Сяо Яньцзы комично шмыгнула носом и потеряла впалый живот.

— Ах ты, проказница! — Императрица легко щелкнула Сяо Яньцзы по лбу, и в ее жесте смешались беспомощность и нежность.

Вчера из-за переполнявших их эмоций девушки почти ничего не съели за ужином, поэтому проголодались уже давно. К тому же еда на столе оказалась невероятно вкусной, и обе гостьи набросились на угощение. Особенно старалась Сяо Яньцзы: ее щеки забавно раздувались, а за обе щеки уплетала она за обе щеки.

Видя, с каким аппетитом уплетают еду обе девочки, Императрица и сама почувствовала прилив голода — сегодня она съела на пол-миски каши больше обычного. Нянька Жун, стоявшая в стороне, смотрела на это с сияющими от радости глазами.

Император благоволил к хрупким ханьским женщинам, и наложницы во всех дворцах не смели есть вдоволь, не исключая и саму Императрицу. Но разве мог организм выдерживать такое изнурение изо дня в день?

К счастью, теперь рядом с Императрицей появились две гэгэ. Как было бы здорово, если бы они поселились во Дворце Куннингун навсегда!

После утренней трапезы Императрица восседала на высоком троне и подробно объясняла Цзывэй и Сяо Яньцзы все тонкости дворцового этикета — в том числе и то, как подобает себя вести в самых разных ситуациях. Цзывэй слушала со всем вниманием, а вот мысли сидевшей рядом Сяо Яньцзы уже витали где-то далеко.

— Сяо Яньцзы, ты запомнила всё, о чем я только что говорила? — Императрица прекрасно знала, что этот ребенок отличается непоседливым нравом, и уже то, что девчонка столько времени просидела смирно, было настоящим подвигом.

— Императрица-Матушка, Сяо Яньцзы всё-всё запомнила! — с легким чувством вины отозвалась та. Ничего, у нее же есть Цзывэй, чуть что — выручит.

— Тогда повтори-ка мне всё с самого начала, — неторопливо произнесла Императрица, отпивая глоток чая.

Сяо Яньцзы остолбенела и умоляюще посмотрела на Цзывэй. Цзывэй уже собиралась прийти подруге на помощь, как вдруг услышала голос Императрицы:

— Не смей подсказывать Цзывэй!

Сяо Яньцзы зажмурилась, отчаянно решила и принялась нести полную околесицу. Сначала это еще отдаленно напоминало правила, но чем дальше слушала Императрица, тем сильнее ей хотелось смеяться — надо же было придумать такую длинную тираду! Бедняжка, ей и вправду пришлось нелегко.

— Ладно, на сегодня достаточно.

Стоило раздаться этому звучавшему подобно небесной музыке голосу, как Сяо Яньцзы облегченно выдохнула. От потока выдуманного ею на ходу слов у нее даже во рту пересохло. Но судя по тому, что выражение лица Императрицы не изменилось, кажется, испытание она выдержала.

Сяо Яньцзы уже тихонько радовалась про себя, не подозревая, что Императрица давным-давно раскусила все ее ужимки.

— Нянька Жун, выдели нескольких служанок и пусть они как следует обучат наших гэгэ

дворцовым правилам.

— Ах, Императрица-Матушка! — Сяо Яньцзы в неверии широко раскрыла глаза.

Но Императрица сделала вид, будто не замечает ее обиженного взгляда. У нее были свои соображения. Вдовствующая Императрица Лао-фо-е превыше всего ценила строгий этикет, и, судя по расчетно-календарным срокам, Лао-фо-е уже скоро должна была вернуться во дворец. А раз так, неугомонный нрав Сяо Яньцзы непременно следовало обуздать.

Тем временем во Дворце Цяньцингун Цяньлун один за другим издал два императорских указ:

«По воле Неба Император ниспосылает указ:

Недавно Мы вновь обрели Нашу возлюбленную дочь Цзывэй. Обладая безупречным нравом, талантами и красотой, она глубоко тронула Наше сердце. Сим повелеваю пожаловать ей титул Принцессы Минчжу и даровать имя-эпитет Минчжу».

«По воле Неба Император ниспосылает указ:

Простая девица Сяо Яньцзы отважно, с риском для жизни прорвалась в охотничьи угодья, чтобы передать вещь-доказательство и помочь Нам вернуть любимую дочь; ее мужество и преданность заслуживают высшей похвалы. Императрица также питает к ней самую нежную привязанность, а потому Мы жалуем Сяо Яньцзы статус приемной дочери и даруем ей титул Принцессы Хуаньчжу. Исполняйте!»

Главный евнух только закончил зачитывать высочайший указ, как из рядов сановников выступил один из министров:

— Ваше Величество! По моему скромному разумению, столь поспешное и ничем толком не обоснованное возведение в ранг принцесс двух девиц вызовет недовольство во всей Поднебесной. Осмелюсь просить Вас взять это решение назад!

Цяньлун нахмурился:

— Почему же это «необоснованное»? Девятнадцать лет назад во время инспекционной поездки в Цзинань Мы встретили Юйхэ. Позже, получив волю Лао-фо-е, Мы были вынуждены спешно покинуть Цзинань. Перед отъездом Мы пообещали Юйхэ забрать ее во дворец, но как раз тогда начался мятеж на границе с Мяоцзяном, и эта война затянулась больше чем на год, из-за чего дело отложилось. Что же до Цзывэй, Мы уже отправляли Фу Линъань провести расследование — она действительно Наша кровная дочь. Моя любимая дочь долгие годы скиталась на чужбине, а потом проделала тысячекильный путь пешком из Цзинаня в Пекин... Сердце Мое полно вины перед ней!

Едва Цяньлун умолк, как вперед вышел другой чиновник:

— Ваше Величество, принцесса Цзывэй — ваша истинная плоть и кровь, и она по праву заслуживает высочайшего пожалования. Однако министр считает крайне неуместным даровать тот же титул принцессы девице Сяо Яньцзы! Как может простая простолюдинка стоять вровень с августейшей дочерью Сына Неба?

Сидевший на троне Дракона Цяньлун с трудом подавил подступавшее раздражение:

— Нрав Сяо Яньцзы чист и благороден. Она рисковала жизнью, доставляя вещь-доказательство для Принцессы Минчжу, и не польстилась на дворцовую роскошь. К тому же она полюбила Императрицу и стала Нашей приемной дочерью — неужели Мы не вольны принять такое решение?!

Властный голос Императора прокатился над залом, но из строя сановников снова шагнул вперед еще один вельможа:

— Докладываю Вашему Величеству: хотя девица Сяо Яньцзы и оказала великую услугу, она все же остается простой простолюдинкой. Пожалование ей титула княжны уезда — предел милости. Если же возвысить ее до принцессы, боюсь, это побудит простолюдинов повсюду подражать ей. Прошу Ваше Величество хорошенько обдумать это!

— Просим Ваше Величество обдумать это! — вслед за ним опустилось на колени еще несколько чиновников.

Цяньлун тяжело вздохнул и перевел взгляд на Цзи Сяоланя:

— Сяолань, а ты что думаешь об этом деле?

Упомянутый по имени Цзи Сяолань почувствовал, как у него затылок занемел от дурного предчувствия. Что он мог думать? Разве посмеет он идти наперекор воле Императора?

С глубоким поклоном Цзи Сяолань ответил:

— Докладываю Вашему Величеству: в «Учении о Великом единении» сказано: почитай не только своих родителей, люби не только своих детей — таково Великое единение. Ваше Величество, все мириады подданных в этой Поднебесной — ваши дети. К тому же девица Сяо Яньцзы обладает истинно рыцарским сердцем, не ослеплена богатством и вполне может служить примером для всех женщин Поднебесной. Иметь такую принцессу в нашем государстве Цин — великая удача!

— Ха-ха-ха! И все-таки Сяолань лучше всех понимает Наше сердце! — Император просиял от радости.

Чиновники внизу тут же дружно рухнули на колени и затагнули зычным хором:

— Да здравствует Император, о да здравствует, да здравствует! Десять тысяч лет Принцессе Минчжу! Десять тысяч лет Принцессе Хуаньчжу!

С этого момента статус Сяо Яньцзы как гэгэ был окончательно утвержден. Впрочем, сама она об этом еще ничего не ведала, а нянька Жун уже готовилась приступить к обучению ее и Цзывэй правилам.

— Обе гэгэ, помните: из всех правил этикета одних только церемоний насчитывается пять видов. Обряды жертвоприношений зовутся счастливыми, церемонии венчания и коронации — радостными, прием гостей — гостевыми, дела военные — военными, а погребальные обряды — скорбными, — стоя перед ними, вещала нянька Жун, а Чуньюй и Манчжун застыли по обе стороны от нее.

— Что еще за этот ли, тот ли... Нянька Жун, неужели всё это нам придется выучить уже сегодня?! — у Сяо Яньцзы от такого обилия мудреных названий голова шла кругом.

На лице няньки Жун заблудилась добрая улыбка:

— Гэгэ, все пять церемоний за один день не осилить. Сегодня мы начнем с самого главного — с поклона-приветствия. Посмотрите на меня, гэгэ: женский поклон выполняется так — обе руки накладываются на левое колено, правая нога слегка сгибается, и вы делаете легкий присед, отдавая поклон.

Приговаривая, нянька Жун наглядно показала всё в движении: ее плавные, текучие переходы выглядели необычайно изящно.

— Прошу вас, гэгэ, повторите, — нянька Жун выпрямилась и кивком указала Цзывэй и Сяо Яньцзы повторить за ней.

Цзывэй грациозно опустилась в приседе, выполнив движение на одном дыхании, в то время как Сяо Яньцзы держалась куда более неуклюже. Впрочем, поскольку у нее уже был некоторый опыт занятий с Чуньюй, по крайней мере, грубых ошибок она не допустила.

— Неплохо, движения обеих гэгэ весьма точны, — оценив их старания, нянька Жун продолжила: — Сами покровы поклонов делятся на четыре разные разновидности: земной поклон на коленях, земной поклон с челобитием, приветственный поклон «ваньфу» и легкий поклон с кивком головы. Если гэгэ встречает человека рангом ниже особы благородной крови, достаточно просто кивнуть. Если же это кто-то уровня консорта, как, например, Консорт Лин, полагается опуститься на колени или совершить поклон «ваньфу». Но самое главное — при встрече с Императором, Императрицей или вдовствующей Императрицей вы обязаны совершить самый торжественный поклон: опуститься на колени и ударить челом.

— Ой, нянька Жун, я от одного перечисления этих ли с ума сойду! Голова кругом идет, вот-вот в обморок упаду. Короче говоря, в этом дворце мне надо просто падать на колени перед каждым встречным, да? — окончательно запуталась Сяо Яньцзы.

Лицо няньки Жун на мгновение замерло:

— Гэгэ, если выразиться столь просто... в общем-то, вы не так уж далеки от истины.

— Тогда, нянька Жун, мне ведь... можно больше не учить это? — Сяо Яньцзы сложила руки перед грудью и принялась умоляюще раскачиваться из стороны в сторону. — Умоляю вас, нянька Жун!

Глядя на жалостливую физиономию Сяо Яньцзы, нянька Жун почувствовала, как ее сердце смягчается. Подумав, что требовать от Принцессы Хуаньчжу усвоить всё за один день и вправду бессмысленно, она решила пока отступить и заняться чем-нибудь другим.

— При ходьбе тело должно сохранять абсолютное спокойствие и невозмутимость, обязательно соблюдайте дистанцию до идущего впереди. Платок нужно взмахивать в меру — не слишком высоко и не слишком низко, — Чуньюй шла впереди, показывая пример, а Цзывэй и Сяо Яньцзы семенили следом, стараясь копировать ее походку, в то время как нянька Жун зорко следила за осанкой обеих девушек.

— Так, верно, у Принцессы Минчжу движения идеальны. А вот у Принцессы Хуаньчжу шаг слишком широк...

— Принцесса Хуаньчжу, взмах платка должен быть чуть мягче...

— Принцесса Хуаньчжу, ступайте уверенно, не крутите головой...

— Принцесса Хуаньчжу...

...

Когда этот наполненный учебой день подошел к концу, Сяо Яньцзы буквально пластом рухнула на кровать, чувствуя себя совершенно изможденной. Цзывэй перенесла нагрузки куда лучше, но от долгих часов хождения и у нее ныла поясница.

После нескольких дней таких суровых тренировок обе гэгэ наконец осилили самую базу. Цзывэй, будучи истинной благородной девицей, схватывала всё на лету, и каждое ее движение отличалось безупречностью. Сяо Яньцзы отставала, но за все эти дни все-таки выучила приветствие и правила ходьбы — для нее это был огромный шаг вперед.

Вскоре настал день жертвоприношения Небу и благодарения божествам. Облачившись в пышные парадные одежды, Сяо Яньцзы и Цзывэй приняли участие в торжественных обрядах. Простые горожане толпами высыпали на улицы, чтобы воочию посмотреть на церемонию: только тогда народ узнал, что у Императора появились две новые любимые дочери, обе — выходцы из простого народа: одна — Принцесса Хуаньчжу, а другая — Принцесса Минчжу.

Поглазеть на процессию пришли и обитатели трущоб. Увидев Сяо Яньцзы в великолепном наряде, Лю Цин и Лю Хун не могли поверить своим глазам: они и представить не могли, что Сяо Яньцзы действительно станет принцессой.

После того как все обряды завершились, Беседка Ароматных Трав была полностью готова, и оставалось лишь ждать, когда ее хозяйки переступят ее порог.

Первого числа пятого месяца по лунному календарю выдался ясный и благоприятный для новоселья день.

Едва Сяо Яньцзы и Цзывэй переступили порог Беседки Ароматных Трав, как увидели, что весь двор уставлен кадками с редкими и драгоценными цветами, а посередине красуются пересаженные кусты ци. Убранство комнат тоже блистало новизной и изысканным вкусом — сразу чувствовалось, сколько сил и тепла вложил тот, кто занимался обустройством.

Радостная Сяо Яньцзы потащила Цзывэй за собой, то трогая вещи, то разглядывая их: наконец-то у них появился свой собственный угол в этом огромном дворце!

— Есть высочайший указ: пожаловать двух служанок, Минъюэ и Цайся, для прислуживания обеим гэгэ! — раздался за дверью голос евнуха. Обе девушки вошли и отвесили земной поклон Цзывэй и Сяо Яньцзы. Сяо Яньцзы всё еще не привыкла к постоянным поклонам в этом дворце и тут же поспешила поднять их.

— Есть высочайший указ: пожаловать четырех евнухов — Сяо Дэнцзы, Сяо Дуцзы, Сяо Вэньцзы и Сяо Фанцзы — для прислуживания обеим гэгэ!

Следом за объявлением в комнату вошли четверо евнухов и по очереди отдали поклон Цзывэй и Сяо Яньцзы.

— Раб Сяо Дэнцзы / Сяо Дуцзы приветствует двух гэгэ!

— Сяо Дэнцзы? Какое странное имя, — прыснула со смеху Сяо Яньцзы.

— Докладываю гэгэ: фамилия этого раба — Дэн, поэтому меня зовут Сяо Дэнцзы — Маленькая Скамейка, а не «скамейка» в смысле табурета.

Сяо Яньцзы кивнула и перевела взгляд на стоявшего рядом евнуха:

— А тебя как зовут, напомни-ка? — она поднесла к губам чашку чаю и сделала глоток.

— Фамилия этого раба — Ду, я Сяо Дуцзы — Маленький Животик.

Евнух по имени Сяо Дуцзы выглядел очень добродушно и комично.

— Пф-ф... кхе-кхе-кхе! — Сяо Яньцзы не удержалась и выплегнула изо рта чай, а Цзывэй поспешила постучать ее по спине.

— Ха-ха-ха! Какой еще «маленький животик»? Давай тебя еще «маленьким кишечником» назовем!

— Сяо Яньцзы, это от фамилии Ду, а не от слова «живот», — прикрывшись шелковым платком, с улыбкой поправила ее Цзывэй.

— Да какая разница, на слух-то одно и то же! Раз уж он Сяо Дэнцзы — Скамейка, то тебе лучше зваться Сяо Чжоцзы — Столиком, — изрекла Сяо Яньцзы, решив, что совладать со «Сяо Дуцзы» ей точно не по силам.

Сяо Дуцзы заколебался, но Сяо Дэнцзы тут же толкнул его локтем:

— Гэгэ жалует тебе новое имя — это великая честь для тебя, тебе же не детей с ним крестить!

— Раб Сяо Чжоцзы благодарит гэгэ за дарованное имя!

Взгляд Сяо Яньцзы устремился на следующего евнуха:

— А тебя как зовут?

— Докладываю гэгэ: этот раб — Сяо Вэньцзы.

— Пф-ф, ха-ха-ха-ха-ха! — Сяо Яньцзы снова брызнула чаем. — Маленький Комарик? Ха-ха-ха! Так ты, выходит, Сяо Цаньин — Маленькая Муха? — она повернулась к четвертому евнуху.

— Прошу гэгэ даровать мне другое имя! От этого жужжания «вэн-вэн-вэн» просто тошно становится...